

У Ли Хэ глаза буквально загорелись.

— Вау, лимитированная версия к годовщине с причёской? — Затем его взгляд потух. — Ты же не собираешься в ломбард? Не намерен продать её навсегда?

Ци Цзиншэн посмотрел на него, как на собаку, которая не может дотянуться до мяса, и промолчал:

— У меня их много. Если хочешь, в следующий раз подарю тебе немного.

Они уже сели в машину и спускались с горы. Ли Хэ мгновенно выпрямился и сел смирно.

— Нет, я уже взрослый, просто посмотрю.

Его лицо всё ещё выражало глубокое сожаление.

Шан Сяохань не спал долго. На рассвете его снова разбудил стук в дверь. Посмотрев на время, он понял, что Чэнь Чжэнь, видимо, выдержала до предела.

Встав, он открыл дверь слесарю, указал на дверь главной спальни и, пока тот занимался замком, вернулся в свою комнату, чтобы переодеться и собрать рюкзак.

Шан Юньюнь плакала почти всю ночь. Сначала Чэнь Чжэнь утешала её, но позже, то ли от жалости к дочери, то ли от отчаяния, тоже проронила несколько слёз.

Слесарь работал быстро, вскрыл замок и выпустил их. Увидев состояние матери и дочери, он удивился.

Шан Юньюнь не спала всю ночь. От плача её так сильно захотелось пить, что она вынуждена была пить воду из-под крана в ванной. После этого её стало мучить чувство голода, и теперь она чувствовала себя на грани смерти.

Но её воля была сильна. Она решила, что даже перед смертью не даст Шан Сяоханю покоя. Выйдя из комнаты, она нашла силы громко закричать:

— Шан Сяохань, ты убийца! Я вызову полицию, чтобы тебя арестовали!

Шан Сяохань, сжав губы, тут же шагнул вперёд и схватил её за воротник. Хе-хе, если она будет продолжать в том же духе, он не постесняется проучить её, несмотря на её возраст.

Шан Юньюнь, чувствуя себя в безопасности в объятиях Чэнь Чжэнь, не ожидала, что Шан Сяохань так быстро приблизится и схватит её за воротник. Чэнь Чжэнь едва не выронила её.

Мать и дочь мгновенно отступили в спальню и начали визжать. Чэнь Чжэнь вдруг осознала, что Шан Сяохань уже стал выше неё, и её тон сразу стал угрожающим:

— Шан Сяохань, ты совсем распоясался!

Слесарь стоял рядом, скрестив руки:

— Эй, это ваши семейные дела, разбирайтесь сами. Сначала расплатитесь со мной. Я не принёс запасных деталей, так что не смогу поставить новый замок.

Шан Сяохань отступил на шаг, скрестил руки на груди и прислонился к стене коридора. Чэнь Чжэнь, настороженно глядя на него, прикрыла собой Шан Юньюнь, пошла за кошельком и расплатилась со слесарем.

Слесарь, получив деньги, мгновенно исчез, как ветер. Чэнь Чжэнь не успела опомниться, как кошелек выскользнул у неё из рук. Обернувшись, она увидела, как Шан Сяохань неспешно открывает её кошелек и вытаскивает оттуда одну карту за другой.

Шан Сяохань вытащил все карты, запомнил, к каким банкам они относятся, и положил их обратно. Без пароля они были бесполезны.

Кроме того, Чэнь Чжэнь не давала ему денег на учёбу, но это не было поводом для судебного разбирательства, ведь она не запрещала ему учиться, просто не позволяла поступать в дорогие учебные заведения.

Чэнь Чжэнь бросилась к нему, чтобы отобрать кошелек. Шан Сяохань отступил на два шага, вытащил все наличные и бросил кошелек обратно. Пересчитав деньги, он понял, что их хватит на полмесяца работы.

— Хе-хе, я не грабитель, зачем так кричать? В четырнадцать лет положены карманные деньги, а я их не получал уже четыре месяца. Это слишком мало.

Чэнь Чжэнь с болью смотрела на пачку денег в его руках. Три с лишним тысячи юаней, которые она планировала потратить на зимнюю одежду для Шан Юньюнь. Она снова бросилась к нему:

— Это деньги на еду для всей семьи на месяц! Верни их!

Шан Сяохань, подражая уличным хулиганам, отскочил в сторону:

— До смерти отца я получал тридцать юаней в день на обеды, даже на каникулах у меня были карманные деньги, при смене сезона я мог покупать новую одежду, и ещё были деньги на канцтовары. За четыре месяца я взял у тебя слишком мало, так что нечего кричать.

Он понял, что давно должен был поступить так. После вчерашних событий он осознал, что последние несколько месяцев, пытаясь выжить, был полным дураком.

Люди не станут относиться к тебе лучше, если ты будешь уступать и терпеть. Они просто решат, что ты слабак, и будут давить ещё сильнее.

Чэнь Чжэнь попыталась схватить его ещё пару раз, но не смогла и остановилась. Теперь Шан Сяохань выглядел как настоящий уличный хулиган, и она не была уверена, что он не ударит её.

Если дело дойдёт до драки, она точно не сможет справиться с полувзрослым парнем. Даже если потом она найдёт способ наказать Шан Сяоханя, ей всё равно придётся терпеть возможные травмы.

— Мне лень с тобой спорить, — Шан Сяохань засунул пачку денег в рюкзак. — Во-первых, сегодня днём я хочу видеть все свои вещи в комнате. Во-вторых, компенсируй мне карманные деньги за последние месяцы. В-третьих, подпиши бланк выбора предметов.

— Не мечтай! Не наглей! — Чэнь Чжэнь дрожала от злости, крича на Шан Сяоханя. Она уже

жалела, что вчера обыскала его комнату.

Неужели из-за кучи старых книг и канцелярии этот послушный щенок превратился в бешеного пса? Или ей следовало раньше обратить на него внимание, ведь за эти месяцы он, болтаясь на улице, уже превратился в отброс общества, которому суждено сесть в тюрьму.

— Ц-ц, — Шан Сяохань почесал ухо. — Ты всегда была мастером переворачивать всё с ног на голову. Сама довела меня до крайности, а теперь винишь других! — Он посмотрел на искажённое злобой лицо Чэнь Чжэнь, вдруг схватил чашку со стола и швырнул её к её ногам, с удовольствием наблюдая, как она подпрыгнула от испуга. — Мне лень спорить с женщиной. Дай мне то, что мне положено, и я оставлю тебя в покое. В противном случае, лучше не смыкай глаз, следя за Шан Юньюнь.

Это была угроза!

Если Шан Сяохань действительно научился чему-то у уличных хулиганов или, что ещё хуже, у более извращённых личностей, то Шан Юньюнь...

Чэнь Чжэнь сразу представила самый худший сценарий. Она отпрыгнула на полшага, чтобы избежать осколков стекла, сжалась от боли в груди, несколько раз глубоко вздохнула и, скрепя сердце, сдалась:

— ...У меня нет столько денег, чтобы платить за твоё обучение!

Шан Сяохань внутренне усмехнулся. Куча старых книг не стоила больших денег, да и карманные деньги за несколько месяцев не были огромной суммой. Ежемесячное пособие, которое он получал, было куда больше, чем его прежние карманные деньги.

Шан Юньюнь получала свою долю, и даже падчерица Чэнь Хуэй получала половину. Чэнь Чжэнь явно не испытывала недостатка в деньгах на базовые нужды.

Он знал, что не сможет получить полную сумму за обучение, но не мог сразу запросить меньше.

— Ха, мне всё равно, есть у тебя деньги или нет. То, что мне положено, должно быть моим, — Шан Сяохань направился к прихожей, чтобы надеть обувь. — Сегодня я иду в школу выбирать предметы. Ты подпишешь бланк, хочешь ты этого или нет!

Шан Юньюнь не понимала, о каких суммах они говорили, но в её сознании всё в этом доме должно было принадлежать ей, и она не собиралась делиться ни с чем с Шан Сяоханем.

Долго глядя из дверного проёма спальни и увидев, что Шан Сяохань собирается уходить, она выскочила с криком:

— Всё это моё, моё! Ты не получишь ни копейки! Убирайся из моего дома!

Шан Сяохань, надев только один ботинок, усмехнулся, схватил сменный тапок и, молниеносно ускользнув от Чэнь Чжэнь, схватил Шан Юньюнь, перевернул её и ударил дважды тапком по заднице и бёдрам, а затем отбросил в сторону.

Всё произошло так быстро, что Чэнь Чжэнь, бросившаяся на помощь, не успела ничего сделать. Её дочь получила взбучку, а сама она, споткнувшись о тапок, наступила на осколки стекла и поранила ногу.

Шан Юньюнь была настолько шокирована, что даже забыла заплакать. За свои восемь лет она ни разу не была наказана физически, и теперь просто оцепенела.

Шан Сяохань спокойно надел второй ботинок.

— Учись уважать старшего брата. В следующий раз, если повторится, я не буду так снисходителен! — Он усмехнулся, глядя на Чэнь Чжэнь. — Подумай хорошенько над моими словами, прежде чем принимать решение.

Авторское примечание: Вчера один красавец высказал мнение, почему герой не может просто отомстить и получить удовольствие. Я ответил и объяснил, получилось довольно длинно, поэтому не буду повторять это здесь. Наверное, мое изложение мировоззрения слишком разрозненно. Раньше, когда я писал «Последние слова», возникала похожая проблема: читатели не понимали поведения героя, почему он не может поступить так-то. На самом деле я стараюсь сделать так, чтобы в рамках истории, какой бы ни была фантазия, логика была непротиворечивой. Творить чудеса, летать и так далее — это, конечно, круто, но потом чувствуется легкая пустота. И в «Последних словах», и в «Перьях клинка» герои ограничены. Они совершают поступки, но не всеильны. Я не прямо писал в большом куске текста, почему они не могут делать что-то, или, возможно, внимание читателей было сосредоточено на развитии сюжета, а некоторые мелочи были опущены. Я подумаю, как выразить это более естественно и незаметно, но при этом понятно.

<http://bllate.org/book/17699/1652353>